

ОНА НАЧИНАЛА как лирическая героиня. Было это в послевоенные сороковые годы, и в то время у зрителей ощущалась особая тяга к образам романтического плана, к ролям, овеянным чистотой и поэзией.

Амплуа молодых романтических героинь утвердилось за ней на долгие годы. Тоненькая, хрупкая, с большими черными глазами, очень пластичная, она была словно создана для таких ролей. И она играла Барбару в спектакле «Вей, ветерок», Фенису в «Хитроумной влюбленной», китайскую девушку в «Тайфуне» Цао Юя.

Впрочем, были у нее роли и комедийного плана. И тот, кто видел такие ее работы, наоборот, считал, что характер ее дарования — легкий, изящный, что она очень хорошо улавливает светлую стихию веселья.

Когда она приехала в Йошкар-Олу и стала работать в Республиканском русском драматическом театре (было это 12 лет назад), зритель сразу почувствовал, что она из таких артистов, которые хорошо чувствуют себя во всех жанрах. Лишь бы роль давала толчок для мысли, фантазии.

— И чтобы я ощутила в ней доброе начало, — обычно добавляет Нелли Александровна Константинова.

...Женщины такого типа нередко кочуют из пьесы в пьесу. Они легкомысленны, не отличаются особым старанием в работе. И больше существуют для того, чтобы оттенить достоинства других персонажей спектакля. Они часто носят экзотические имена — Эльвира, Анжелика, Стелла. Ее героиня звалась Терезой. Легкой птичкой порхала она по квартире генерала Недосекина, стараясь не замечать неодобрительных взглядов хозяина, не слушать осуждающих слов. Она могла, прервав серьезный разговор, вдруг легко сорваться с кресла, «оторвать» цыганочку. Веселая женщина! Не трудно подметить характерность такого человека, как Тереза. Гораздо сложнее показать ее характер. И Константинова словно не играла, а объясняла судьбу многих одиноких женщин, юность которых пришлась на трудные послевоенные годы. Показывала, что за всей этой бравадой скрывается своеобразная гордость. Бывает и такая неприкаянность — смеющаяся, не желающая обнаруживать себя перед людьми.

Для спектакля «Собака на сене» художник А. Чуданов создал белый, кружевной резьбы павильон с тонкими, изогнутыми лесенками. Это изящество декорации хорошо аккомпанировало характеру Дианы, главной героини спектакля, ее капризности, непостоянству. Кажется, задача актеров ясна: поосрамить социальные предрассудки. Графиня Диана заглядывается на своего красивого секретаря Теодоро, да никак не решается соединиться браком с человеком, стоящим гораздо ниже ее на общественной лестнице. Но когда Теодоро отдает свое внимание молодой служанке Марселе — к сердцу графини подбираются злые шупальца ревности. Впрочем, любовь счастливо восторжествовала над всеми сомнениями, и зритель мог еще раз с удовольствием убедиться в ее очищающей силе. Но Константинова, играющая Диану, начинает вышивать на этой сюжетной канве несколько иных узоров. Мы видим, как после отчаянной

борьбы за любимого (борьбы с ним, с самой собою) возникает тень усталости. Это — не охлаждение. Но и не слепая любовь, исключаяющая размышление, трезвую оценку. Кто знает, может быть, пришло время вспомнить, как вероломно вел себя Теодоро с ее соперницей? Во всяком случае, ответ этого оценивающего взгляда падает на блестящего секретаря. И хоть в финале звучат вполне уместные для комедии «плача и шлагги» веселые песни, спектакль запоминается не только этим бодрым настроением, а возможностью подумать над многими явлениями

жизни — она сразу вызывает симпатии зрительного зала. И горячее сочувствие. Ее шантажирует недостойный человек, ей грозит наказание за то, что она подписала некогда векселя за своего умирающего отца. Но вот парадокс: актрису, оказывающуюся, не удовлетворяет показ безупречной, непогрешимой Норы. А может быть, в жестокой драме, которую приходится переживать этой женщине, есть доля и ее вины? Может быть, слишком долго старалась быть она такой, какой хотел ее видеть сначала отец, потом муж — милой щечетуньей, недалеким существом? А

обнаружить и в фигурах комических, нередко — экцентрических. Сейчас она играет Ирину в комедии Э. Рязанова и Э. Брагинского «Родственники». Образу едва не самый забавный в этой комедии. От всей фигуры суматошливой немолодой девушки, для которой вдруг открылась возможность выйти замуж, так и веет незадачливостью. Актриса умеет, что называется, не замечать себя, быть некрасивой, неуклюжей. Но именно Ирине, этой нескладухе, дано проявить такую доброту и благородство!

Показ внутренней красоты, которая распознается через внешнюю неприметность, — одна из наиболее характерных для Константиновой тем.

Вспоминаешь ее Калугину из комедии этих же авторов «Служебный роман». Маленькая женщина почти тонет за большим письменным столом. Глаза скрыты за очками, выражение лица — недовольное, голос монотонный, без всяких оттенков нудный. Так разговаривают обычно люди, которым дела нет до того, какое впечатление они производят на окружающих. Зато как откликнулся зрительный зал, когда Калугина рассказывала Новосельцеву историю своего несостоявшегося счастья. Работа — вот единственный огонек для нее. А дома — холодно, пусто, одиноко. Говорится все это в запальчивости, и кажется, что эта невзрачная, нелепо одетая женщина должна выглядеть после такого признания жалкой горемыкой. Но жалости к себе она не вызывает. Наоборот, есть в ней нечто такое, что заставляет невольно отмечать ее достоинства. Работящая, умная, справедливая. Не может, не должна быть такой человек обделен счастьем! И когда это счастье приходит к Калугиной, весь зал радостно откликается на те удивительные превращения, которые происходят с ней. Впрочем, теперь не хочется называть ее по фамилии — Калугиной. У нее есть слабое и милое имя — Людмила. И разве можно принимать ее за дурнушку? Как удивительно преобразилась она в лирической сцене с Новосельцевым! Маленькая фигурка оказалась удивительно ладной под льющим шелком платья, и глаза засверкали, и волосы словно наполнились воздухом. И голос теперь уже не монотонный и холодный, а пленяет множеством оттенков, теплотой и радостью. Только так и может говорить счастливая и любящая женщина!

На ролях, создаваемых актерами, всегда лежит отсвет их личности. Константинова заслужила право отстаивать высокие идеалы в искусстве, потому что в жизни она цельный и преданный своему делу человек. В театре уже давно никто не удивляется, когда она болевая, играет в спектакле, когда она сохраняет бодрое настроение во время самых тяжелых поездок. Она умеет не обращать внимания на недобросовестность критических замечаний, на чрезмерность похвал, умеет отстоять свое видение роли.

Недавно Н. Константиновой присвоили звание народной артистки Марийской АССР. Радуйся этому, но все же хочется заглянуть в ее будущее, которое обещает еще много свершений и открытий.

Б. ПОМОРЦЕВА.

Марийская правда
12 Октября 1976

Штрихи к творческому портрету

ВРЕМЯ ЗРЕЛОСТИ

ми жизни, которые не ушли из сегодняшнего дня.

Константинова, безусловно, принадлежит к актерам психологической школы. Она, что называется, «проживает» на сцене роль. Но при этом она — мастер формы и свободно ею владеет. Она хорошо ощущает жанр, умеет и средствами внешней выразительности передать суть характера.

Ее Киса в героической комедии Вс. Вишневского «Раскинулось море широко» почти «вытанцовывае т» свою роль. Она не только изящно двигается, но словно то и дело меняет маски: маска молодойкой резвушка, маска патрютки, ораторствующей на проводах моряков, маска страстно любящей женщины. А Геля из «Варшавской мелодии» запомнилась истинно польским шармом и милым акцентом, и польскими песенками (для этого пришлось брать специальные уроки языка). И проживая на сцене свои лучшие роли, Н. Константинова наполняет их огромным внутренним напряжением, стремится активизировать зрителя, сделать его своеобразным соавтором драматурга и актера.

Сколько мыслей, споров рождает созданный ею образ Норы в спектакле по одноименной пьесе Генриха Ибсена! Веселая изящная хозяйка благополучного дома, нежная мать, любящая

ведь она — другая. «Сядь, Хельмер, нам надо о многом поговорить с тобой», — говорит она мужу, который, еще недавно нежный и любящий, не пытается скрыть перед женой своей растерянности, злобной истеричности. «Сядь, Хельмер». Эти слова она произносит тихо, почти бесстрастно, но есть в них нечто такое, что буквально пригвоздило ее мужа к месту. Как он мог проглядеть Нору? Даведь она — умная, смелая и решительная женщина, глубоко страдающий человек. Изменился и пластический рисунок роли. Нет больше порхающей бабочки. Движения замедленные, в фигуре что-то застывшее, величественное. Это величие скорби. Но она, эта скорбь, не умаляет силы Норы. На пороге расставания Хельмеру суждено было познать настоящую Нору. И узнавание так ошеломляет его, что он не в силах сделать ничего, чтоб удержать эту женщину, мать его детей. Тихо затворяется дверь за Норой. Дорогой ценой платит она за право быть самой собою...

Н. Константиновой, безусловно, удаются роли, требующие углубленного психологического анализа. Это вовсе не означает, что она больше тяготеет к образам драматического плана. Нет, строгий и цельный внутренний мир актриса умеет